

Андрей Житинкин любит работать на большой простыне

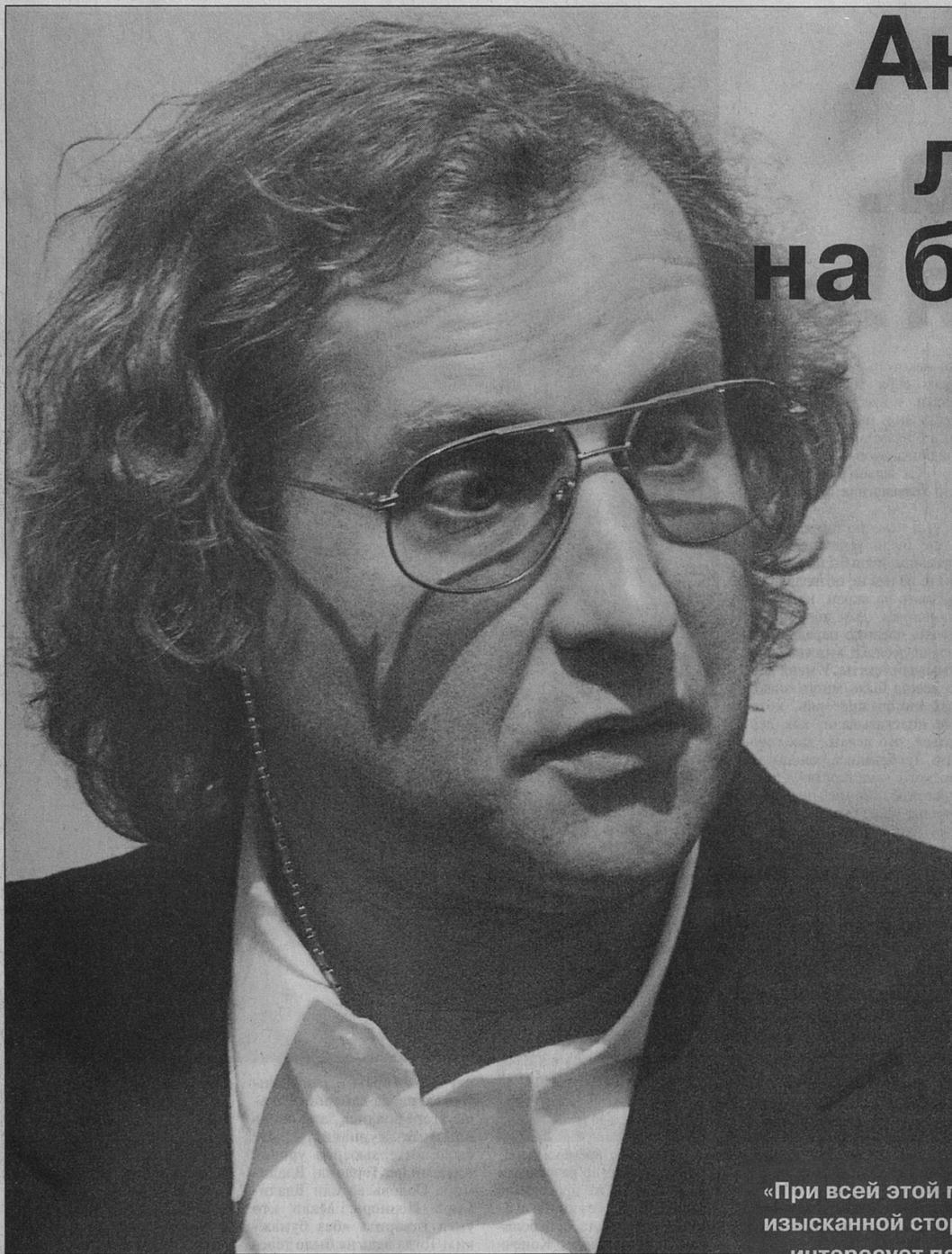

Чуть больше года
прошло после
скандального
увольнения Житинкина
из Театра на Малой
Бронной, где известный
и весьма
работоспособный
сорокалетний режиссер
выпустил за два сезона
пять премьер,
а директор театра,
восьмидесятилетний
Илья Коган отказался
продлевать с ним
договор. Житинкину
тогда сочувствовали,
самодурством Когана
возмущались. Особенно
некрасиво выглядел
фон шумевшей
истории —
с анонимными
письмами,
коллективными
заявлениями и прочими
атрибутами глубокого
совка... Наконец,
Житинкин вернулся.
На днях он выпускает
на сцене «Табакерки»
премьеру «Идеального
мужа».

Окончание на стр. 10

Рус. ич. репер. 2004 - 16. марта
с. 1, 26.

Культура

Андрей Житинкин любит работать на большой простыне

Табаков сказал ему: «Стоп. Мои актеры давно не носили фраков...»

Горинга тоже двое — Максим Матвеев и Александр Ефимов. Леди Маркби — Ольга Блок-Миримская. Мейбл — Оля Красько, в первый раз с ней работаю, замечательная артистка. Дворецкий — Сергей Угрюмов. В совершенно неожиданной роли Виталий Егоров, он играет лорда Кавершема, отца лорда Горинга. Егоров невольно переходит в новое возрастное качество, мы ему делаем седой парик под Хворостовского. В Уайльде вообще не очень понятен возраст. И еще одна неожиданность — Гертруда Чилтерн, такую правильную, такую феминистку, у нас играет Марианна Шульц, яркая характерная актриса, которая героиня никогда раньше не играла. Это главная женская роль, и я вижу, с каким трепетом она работает. Еще могу добавить, что ничего этого, наверное бы, не было, если бы не мой постоянный соавтор, сценарист всех моих спектаклей...

— **Опять Шаров?! М-м-м...**
— Да, Андрей Шаров. Чего ты занялся? Не любишь. Понятно. А у нас будет двести зонтиков, аквариумы с рыбками...
— **С живыми?**
— Нет, конечно. Они же передохнут. Вообще в театре все

по акции — советскому зрителю это все было до фени, — то сейчас мы про акции, про биржевые спекуляции все понимаем. И в этом есть дополнительная интрига.

— **Поскольку от прошлого никуда не денешься, извини, задам тебе вопрос неприятный. Как ты сегодня — с паузой в год — оцениваешь свой уход с Бронной? Эта история нанесла тебе моральный ущерб? Обида жива или все уже перегорело?**

— Я поделил ситуацию на две половинки. Есть твердые плюсы. Обязательства перед театром и самим собой я выполнил. Все, что называл, поставил. Даже на один спектакль больше — «Калигула» в программу не входил. За два года я раскрутил театр так, что спрашивали лишние билеты, и вся Бронная была запружена иномарками. Театр задыхался, мы стали ездить. Конечно, сорвались теперь гастроли в Америке — по восьми городам с «Нижинским». Вообще, когда они начали сезон в пустых залах, началась истерика. Раздавались голоса: верните Житинкина! Люди почувствовали, что это такое — получать две тысячи рублей в месяц. В три раза упали зарплаты, и за весь сезон они ни разу никуда не выехали. И не выедут, потому что не с чем. Но все это не на моей совести.

Что пошло в минус? Все-таки два года — большой период жизни. Его жалко. Тем более что складывалась команда, приходили актеры, которые хотели со мной работать. На Бронной практически нет звезд и давно не было, а тут сразу появились Домогаров, Яковлева, Крокова... После «Анны Карениной» мы должны были приступить к «Распутину»...

Людам, которые интересуются этой историей, можно посоветовать прочитать книгу Ольги Яковлевой. Где она очень точно описала ситуацию с Эфросом. Причем задействованы те же самые фамилии. Просто тогда это были партийные бонзы... Я не говорю «суки», пусть будут «бонзы»... Они стряпали те же анонимки, и абсолютно за те же ниточки дергал Коган. В финале Ольга Михайловна замечательно пишет, что художник, каким бы он ни был — сильным, слабым, все равно неминуемо проигрывает битву с чиновником. И, кстати, она озвучивает весь список режиссеров, затравленных на Бронной или изгнанных оттуда. Красивый список: Эфрос, Дунаев, Лазарев, Портнов, Женовач, Житинкин. Шесть человек. Сколько можно?

— **Ты хотя бы краем глаза следил за сегодняшней Бронной?**
— Она меня мало волнует, тем более что ушли многие мои актеры. Олег Вавилов, Даниил Страхов, Алексей Владиславов... Вавилов в Театре Сатиры. Сейчас репетирует Франсуазу Саган с Верой Кузьминичной Васильевой. У Страхова годичный контракт в «Бедной Насте».

— **Мог бы ты переступить**

порог этого театра в качестве зрителя, гостя?

— Нет.
— **А если бы на сцене Бронной игрался чужой, антрепризный спектакль?**

— Так вопрос пока не стоял. Но все равно — вряд ли. Только если изменится ситуация. А она не разрешима до тех пор, пока есть человек, который с гордостью признается, что его называют театральным киллером. Ну что это такое? На последней режиссерской конференции все опять шумели: как же так получается, мы не можем объединиться, какой-то Коган расправляется с главными режиссерами в своей вотчине. И что? Покричали, записали все в свои тетрадки, и ничего не изменилось.

Эта ситуация меня очень многому научила, но я не озлобился. Я ни в одном интервью не сказал дурного слова о Льева Константиновиче Дурове, у которого, кстати, сейчас начались проблемы с Коганом. Хотя они оба провели в этом театре фактически всю свою жизнь.

— **И чему же ты научился?**
— У меня была возможность выбора, но я действительно очень люблю эти стены, память Эфроса и пошел на Бронную по самому казальному договору. Нельзя было идти главным режиссером, только худруком. На Бронной сохранилась отрывка совка, когда директор нанимает главного режиссера. А у них обоих должны быть равноправные контракты с городом.

— **Неужели тебе не отбили навсегда охоту что-либо возглавлять? Сейчас ты наверняка с особой свежестью ощутил, насколько завиднее участие свободного художника.**

— Конечно, сейчас я абсолютно свободен, я не отвечаю за судьбы других людей, когда кто-то попал в милицию, кто-то заболел, и надо спасать, вырывать, доставать лекарство. Я могу думать только о себе. Про финансовый аспект тоже не надо забывать. Раскручивая Бронную, я сильно потерял в деньгах и дарил Бронной бренд своего имени.

Но когда определенный временной отрезок уже позади, когда земную жизнь прошел до половины, хочется иметь свою команду. Друзья-актеры, которые хотели бы работать в эстетической зоне Житинкина, может быть, заставят меня снова взять какой-нибудь театр.

— **Взять или все-таки создать свой?**

— Создать свой сложнее. Конечно, сейчас бороться ни с кем не надо. Завтра пойдешь, открой счет и начинай строить театр. Но театр — это в первую очередь не стены. Это люди. Я смотрю, что у нас уже творится и что будет происходить в ближайшее время в основных театральных метрополиях... Вот так, осторожно скажем: мне обидно, что знаменитые, культовые в прошлом театры сейчас рассыпаются. И если я пойму, что мой эстетический импратив совпадает с потребностями и

возможностями конкретного театра, я туда приду. Я люблю театры в хорошем смысле слова академические. С кулисами, партером, ложами, занавесом. Не ангары, не вокзалы.

— **«Распутин» уже не будет, идею похоронили?**

— Нет, идея жива. Недавно мы с Сашей Домогаровым встречались и обсуждали эту тему. Проблема в том, что тогда он освободил время для выпуска спектакля, его польский агент, очень серьезная дама, раздвинула в Варшаве все его съемки. А потом все обвалилось из-за глупости Когана. Сейчас Саша вошел в огромное количество проектов, но осенью мы начнем работать.

Я сам книжечкой, но Домогаров меня потряс: он собрал целую библиотеку по Распутину, он уже года два этим живет. У него даже есть какие-то неизданные тексты, — авторы просто приносят, потому что Саша где-то оговорился, что ему интересен этот персонаж. Он сейчас стопроцентно готов сыграть эту роль и находится в сумасшедшей форме. Не может побиться. Я ни в одном интервью не сказал дурного слова о Льева Константиновиче Дурове, у которого, кстати, сейчас начались проблемы с Коганом. Хотя они оба провели в этом театре фактически всю свою жизнь.

— **Ты будешь делать «Распутин» в театре или в антрепризе?**
— Собираюсь в театре. Но если не найдем достойную площадку, сделаем независимый проект. Мне хочется, что называется, сломать мозги зрителю — но нормальному, театральному, а не какому-то антрепризному.

— **Помнишь, ты когда-то подумывал снять кино...**

— Более того, я уже рассмотрел два продюсерских предложения. Сценарий у меня свой, и понятно, что это арт-хаус. Мне предложили такую смешную схему: сначала вы снимаете сериал, о чем хотите, но сериал, а потом мы вам даем снять ваш арт-хаус. Я отказался.

— **Ну и зря. Может, возник бы первый приличный сериал. Или ты убежден, что приличных сериалов не бывает?**

— Бывает, наверное. Но я этим заниматься не хочу. В свое время Феллини говорил, что телевидение — от дьявола. Хотя, когда у него не было денег, он снял несколько рекламных роликов. Даже если ты будешь снимать на пленку, в формате ящика все будет выглядеть, как цифра или как видео. Все-таки кинематограф — это магическая история, когда именно в темноте, именно на большой простыне создается другой, иллюзорный мир. Во многом безусловный, потому что степень приближения, в отличие от театра, невероятная. Мне это ужасно нравится. Мне нравится работать на крупных планах.

— **В общем, Андрей Житинкин любит работать на большой простыне. По-моему, неплохой заголовок.**

— Отличный!

Елена ЯМПОЛЬСКАЯ

Окончание.
Начало на стр. 1

— Андрюш, а куда ты исчез на целый год?

— На самом деле я никуда не исчезал. Просто взял паузу, занялся своими делами. Улетел в Бостон почти на четыре месяца, провел там режиссерский семинар и впервые поставил Чехова — что у меня в России почему-то не получается. Поставил «Дядю Ваню» как историю абсолютного суицидника...

В Москве у меня подряд вышли два независимых проекта. Во-первых, «Свободная любовь» Леонарда Герша в компании «La театр». Бродвейский хит. Играл Дюжев, Купченко, Семчев, Фекленко. И еще я сделал новый проект для Люси Гурченко с Сергеем Шакуровым, они уже с ним где-то летают. Это такая притча современная, называется «Случайное счастье милиционера Пешкина»

— **Любимая женщина механика Гаврилова...**

— Вот-вот. Они и смеются по этому поводу. Название длинное, но хорошее. Пьеса Игоря Лысова — это ученик Анатолия Васильева в его семинарах режиссерских. Вдруг написал пьесу. Причем, что сегодня очень редко, комедию. Веселую и чистую. Молодую пару играют Добровольская и Марьянов, а пару возрастную — Гурченко с Шакуровым. И они очень смешно там валяют дурака. Сейчас они уехали, потому что Люсю повсюду очень ждут, у

нее давно не было новой работы, а когда вернутся, устрой шумную премьеру в Москве.

И теперь вот у Табакова «Идеальный муж». Я не удивился, когда Олег Павлович позвонил и предложил Уайльда, потому что всем памятен мой «Портрет Дориана Грея» на Бронной, и многие театры обращаются ко мне с предложением поставить «Портрет...» снова, уже на их сцене. Но я верен своим актерам, так что пока не даю согласия.

— **Я думала, «Идеальный муж» — это твоя инициатива.**

— Нет. Табакова. Скажу больше: мне нравится его увлечение новой драмой, и когда он мне предложил новую пьесу Жеребцова, автора «Солдатиков», я прочитал с интересом, но тема там связана с войной... Я сказал откровенно: Олег Павлович, это очень переключается с тем, что я уже делал — со спектаклем «Псих». Молодые ребята, много народа, экстремальная ситуация. Там психушка, здесь война, какая разница?

— **Он понял?**

— Абсолютно. Я рад, что в «Табакерке» я свободен в своем репертуарном выборе. «Псих» — да, это когда-то было предложение Табакова, и, между прочим, спектакль десять лет, а он идет очень хорошо. И я счастлив, что тогда сделал правильный выбор, предпочтя уже известному Евгению Миронову Сережу Безрукова. Он только-только Школу-студию закончил, его мало кто знал, я, помню, даже фамилию себе запи-

сал, чтобы не забыть: Безруков. Мне было интересно, как сыграет этот обаятельный папан, по энергетике такой светлый. И потом уже все свои спектакли — «Старый квартал», «Признание авантюриста Феликса Круля» — я делал с Безруковым. И все это до сих пор идет в «Табакерке», что для режиссера, конечно, настоящее счастье.

Так вот, «Старый квартал» — это было мое предложение, и Олег Павлович рискнул, он пошел на Уильямса, причем на Уильямса позднего, которого никто толком не ставил. Провокативная, с порочными страстями, с изнанкой жизни пьеса вывернулась у нас светом в финале, стала реквиемом по душам, которые страдали. Чеховский мотив появился.

Томас Манн — тоже мое предложение и тоже неожиданное. Интеллектуальная проза. Вдобавок, роман не завершен. И то, и другое — и «Старый квартал», и «Феликса Круля» — мы поставили в России первыми.

— **Табаков сразу совершил прыжок от Жеребцова к Уайльду?**

— Нет, сначала я принес ему пьесу о самом Уайльде. Пьеса на двоих. Охранник и Оскар Уайльд, который сидит в тюрьме. Но Табаков сказал: так, стоп, одну секундочку, мои актеры давно не носили фраков. И действительно — Уайльд вообще никогда не игрался в «Табакерке». Всю мировую литературу они попробовали, а Уайльда — нет. Нам заранее нравилась

«При всей этой парадной, лощеной, изысканной стороне меня, конечно, интересует параллельный мир.

Страсти-то там не шуточные.

Все улыбаются, целуют дамам ручки, но интриги плетутся чудовищные...»

картинка: актеры в белых и черных фраках, трости, сигары, зонтики, веера, виски... У нас есть консультанты по манерам из Большого театра и из дипкорпуса. Вообще получилось, что весь спектакль привязан к VIP-зоне, к дипкорпусу. Я много перемещаюсь по миру, я вижу, что во многих посольствах жизнь остановилась. Не понятно, какой даже век. Бронза, антиквариат, рядом компьютер, и тут же мебель времен Людовика... И, кстати, вручение любой солидной премии — это те же фраки, бабочки, вечерние туалеты, те же напитки. Так здорово, что хоть тут существует константа. Но при всей этой парадной, лощеной, изысканной стороне меня, конечно, интересует параллельный мир. Страсти-то там не шуточные. Все улыбаются, целуют дамам ручки, но интриги плетутся чудовищные. И мне нравится, что в роли политической авантюристки миссис Чивли будет прима МХАТа Ирина Мирошниченко. Я, как и Табаков, обожаю коктейли — смешивать мастеров с молодняком.

— **А кто еще занят?**

— Получается так: Ирина Петровна среди молодых красавцев. Роберта Чилтерн играют два актера — Ярослав Бойко и Никита Зверев. Лорда

живое — это ужас... Но будет понятно, что хищные рыбки пожирают слабых, и в жизни все происходит точно так же, как в аквариуме.

— **«Идеальный муж» — вроде бы комедия...**

— Да, это комедия. Ироничная, философская комедия о любви, но там есть очень важная мысль: никто не может переписать свое прошлое. Есть тема барона Арнгейма, которая никогда не вскрывалась. Это духовный раститель, как лорд Генри в «Дориане Грее». Именно он закодировал двух героев, он спровоцировал алские звонки из прошлого. Появляется момент триллера.

В наше время Уайльд стал гиперактуален. Конечно, все эти вопросы лежат на поверхности, но если отвечать на них серьезно, есть над чем подумать. Можно ли остаться в политике чистым? Стоит ли жертвовать любовью ради карьеры? Где граница компромисса? Действительно ли любой политик продается и покупается? Мне, кстати, очень нравится, что Никита Зверев выбрал себе манеры и внешность Ходорковского...

Там в каждой картине поминается парламент, парламент, парламент... И если раньше какой-то парламент, какие-

148